

Наталья

СОВЕТНАЯ

Беларусь

На краю залива

Поезд «Ласточка» отправлялся с Финляндского вокзала в шесть пятнадцать, потому поднялась я в четыре утра, а в пять Серёжа уже мчал меня по сумеречно-сонным улицам февральского Петербурга, удивляясь, что неугомонной маме не сидится дома.

Приглашение из карельского города Лахденпохьи, что на берегу Ладожского озера и совсем недалеко от финляндской границы, пришло ко мне через петербургского писателя Анатолия Козлова. И я, ничтоже сумняшеся, согласилась. Вагонное электронное табло услужливо сообщало, что до моей остановки на станции Якима можно спокойно отдыхать три с половиной часа, пока мы минуем города: Выборг, Каменногорск, Хийтола и Элисенваара. Из окна, словно гипнотизируя, тарашилась непроглядная темень, и мои отяжелевшие веки послушно опустились...

* * *

Одиннадцатилетняя девочка на верхней полке плацкартного купе с изумлением разглядывала мелькающие за окошком снежные сопки, гранитные скалы, сквозь которые пробивалась убегающая на север железная дорога, огромные валуны, громоздящиеся друг на друга, и высокие кряжистые сосны, лохматые широкие ели, берёзы, казавшиеся рядом с могучими соседками нежно-хрупкими и беззащитными. Деревья поднимались над каменистой землёй, крепко вцепившись в неё корнями, словно железными щупальцами, которыми вились между валунами, впиваясь в трещины, добывая себе воду и пропитание. Глухие леса сменялись многочисленными озёрами, реками и болотинами. Поезд, отстукивая время, будто метроном, пронёсся по железнодорожным мостам, замедлял ход у маленьких станций и останавливался у больших вокзалов.

Всё было диковинным для маленькой девочки: люди на перронах, исподтишка предлагающие копченую и вяленую рыбу, пушистые собаки – хвост колечком, ожидающие щедрой подачи от пассажиров, деревянные здания вокзалов с печным отоплением (сизый дым на морозе поднимался высоко к небу), такие же дома и домишки, сараи и сараюшки, рассыпавшиеся среди гигантских камней, на горах и вдоль рек и озёр, высотные краны, словно цапли на одной ноге, бесконечные штабеля леса на размашистых берегах неизвестных ей заливов.

Чем ближе к Мурманску, тем суровее становились заоконные пейзажи: и деревья уже не такие высокие и могучие, и снега всё более богатые и глубокие, и мороз всё жгучее, так что и стекло обледенело, словно жадничало, скрывая от глаз первозданную северную красоту.

А девочке вместе с мамой предстояло ещё добираться холодным автобусом от полярной столицы до тундрового посёлка со звонким названием Серебрянка, где на улочках вместо домов стояли жилые вагончики на полозьях. И всего лишь несколько настоящих зданий располагались в центре: школа, клуб, администрация, больница, детский сад, магазин и одноэтажные жилые дома барачного типа в окружении почти лысых сопки и необъятных сугробов...

Через пару лет, когда девочка, проведя каникулы у бабушки Дуся в белорусском городе Городке на Витебщине, решила остаться там и перевелась в седьмой класс школы номер один, в сочинении на свободную тему она написала о своём путешествии на Север, по которому теперь очень скучала. Большой художественный очерк удался на славу. Педагоги вслух зачитывали его учащимся из других классов.

Сочинение попало на республиканский конкурс и даже заняло первое место. А через много-много лет, когда девочка была уже взрослой, она встретила своего классного руководителя – учительницу русского языка и литературы Зою Васильевну Орловскую. По-старушечьи: в вальничках с калошами, закутанная в пуховый платок, она вышла из рейсового районного автобуса и остановилась, чтобы отдышаться.

– Зоя Васильевна! – обрадованно бросилась к ней бывшая ученица. – Узнаёте меня?

Светлые глаза учительницы прищурились, пристально взглядываясь в молодую женщину.

– Наташа! – просияла Зоя Васильевна. – Как же мне тебя не узнать? Я твои сочинения и сказки до сих пор детям в школе читаю!

– Ещё работаете? – удивилась ученица.

– В деревню езжу. Попросили... Совсем ведь некому. Молодёжь нынче деревни чурается...

В то время силу набирали непростые девяностые годы прошлого столетия. Как же давно это было!

* * *

...Я открыла глаза. Оставалось ещё два часа пути. За окном рассвело. На занесённых снегом просторах грудились огромные валуны, пронеслись мимо каменные сопки, поросшие соснами и густым ельником, а отвесные гранитные скалы теснились к рельсам порой так близко, что казалось – только протяни руку.

«Ласточка» мчалась мимо покрытых толстым льдом озёр, мимо рек, которые упрямо не сдавались морозам, и их тёмные воды, загустевшие от холода, медленно катились меж заснеженных болотистых берегов. Изредка идиллию дикой природы нарушали словно поднявшиеся из-под снега деревянные избушки с хозяйственными постройками – чаще ветхими, заброшенными, и лишь иногда в иной хатёнке одиноко светилось окошко.

Поезд миновал Каменногорск, который, оправдывая своё название, окружён гранитными карьерами, обеспечивающими работой местных жителей. Сам же город на берегу реки Вуокса в центре Карельского перешейка был основан ещё в шестнадцатом веке, хотя доподлинно известно, что люди на этой территории жили в IV– III веках до нашей эры. Местность носила название Антреа в честь святого апостола Андрея. Так же стали называть железнодорожную станцию, появившуюся в девяностых годах девятнадцатого века.

Две следующие: Хийтола и Элисенваара, на которых поезд делал минутные остановки, территориально относятся к Лахденпохскому району Карелии. Это уже северо-западный берег Ладожского озера, а территории приравнены к районам Крайнего Севера.

С Севером я навечно связана крепкими узами. Не только потому, что в детстве жила в Серебрянке и училась в средней школе в Туманном, всего в двух десятках километров от Баренцева моря. И не только потому, что первую профессию получила в Мурманском педучилище, работала в Зареченске Кандалакшского района, где познакомилась с Володей, будущим мужем, но и

потому, что его родители защищали эту землю в годы Великой Отечественной, оба имели серьёзные ранения и боевые награды. За Полярным кругом и теперь живут семьи Володиного брата и сестёр. Северянкой по месту рождения стала и моя дочь Светлана: она появилась на свет в Кандалакше. В ней, как и в моих сыновьях, течёт не только русско-белорусская кровь, но и карельская, потому что моя свекровь Мария Мефодьевна была карелкой, даже говорила с акцентом, чтонисколько меня не смущало, лишь вызывало интерес. С Карелией связана и жизнь родного брата моей бабушки (по отцу) Натальи Тимофеевны Тягловой. Полковник Алексей Тяглов – участник Советско-финляндской войны, трижды тяжело раненный, в мирное время жил в Петрозаводске, там и похоронен.

И вот я снова на Севере – всего-то три с половиной часа езды от Петербурга! Любуюсь мелькающими за окном пейзажами, радуюсь, словно ребёнок, могучим валунам и сопкам. Пусть и заснеженным. Так ведь именно в снегу Север помнится мне чаще всего!

Хийтола поразила огромной горой, словно сложенной сказочным великаном из гранитных плит и камней правильной формы. При пристальном рассмотрении можно было заметить облепившие склоны квадраты, прямоугольники, круги, напоминающие фундаменты странных (если не сказать фантастических) построек. Напрашивалась и вторая версия – это оборонительные укрепления. Гораздо позднее, уже дома, с удивлением узнала, как близки к истине обе мои версии.

Во-первых, гора называется Линнавуори, что означает: крепость на голой скале. Таких крепостей-поселений на территории Карелии и Финляндии – около трёхсот. То, что мне показалось похожим на фундаменты, на самом деле – средневековые каменные валы, а на вершине скалы – современная вышка связи, к которой ведёт лишь тропинка.

Во-вторых, про великана я тоже угадала! Карелы верили, что на горе Линнавуори обитает злой дух леса Хийси, покровитель охоты. И название посёлка Хийтола переводится как место, где живёт лесной дух Хийси. Это призрак-великан с головой лося, но он может и полностью принимать облик животного. Чтобы задобрить страшного духа, люди оставляли на горе различные подношения, ведь, разозлившись, Хийси легко напускал густой туман и запутывал человека на лесных тропях, а то и сбрасывал на

него камни. Встретить великана в лесу считалось предзнаменованием смерти.

Хоть и высока скала Линнавуори (восемьдесят шесть метров), однако вместе с покрытым льдом озером Райватталанлампи у её подножья и речкой Кокколанйоки она быстро скрылась из вида: поезд мчал к станции Яккима.

У перрона меня встречала уже Лахденпохья в лице миловидной Таисии Малышевой, которая торопливо подала руку, помогая покинуть вагон, и пограничника. Он попросил предъявить паспорт, поинтересовался, на какое время я планирую задержаться в городе. Бдительность вполне оправданная, ведь граница с ныне недружелюбной Финляндией совсем рядом.

Земли этого карельского района неоднократно переходили из рук в руки то шведам, то финнам, то русским.

Лахденпохья до 1924 года называлась Сиеклахти и входила частью в посёлок Яккима, история которого документально ведёт начало с 1500 года. После Советско-финляндской войны всё финское население было эвакуировано в Финляндию. В сорок первом, с приходом немцев, многие вернулись в свои дома. Но после победы Советского Союза в сорок пятом им пришлось снова эвакуироваться. Однако ещё недавно финны бывали частыми гостями в здешних местах в качестве «ностальгических» туристов: приезжали почтить память предков. Проводились и совместные культурные мероприятия – казалось, что наши дружеские связи только крепки. Сейчас граница с Финляндией закрыта, а сама страна стремится вступить в НАТО и встать в один строй с откровенными врагами России.

Тая (так ласково зовут Таисию друзья и близкие) пригласила меня в машину, заняла водительское место и повезла к городской библиотеке, расположенной в старинном здании 1928 года, о чём свидетельствовала выпуклая надпись на торцовой стене. До переезда сюда современного книжного царства помещение принадлежало сначала интернату, потом дошколятам – следы их пребывания хранит лестница, перила которой предусмотрительно затянуты сеткой, чтобы малыши, поднимаясь на второй этаж, не упали в пролёт.

Из окон библиотеки хорошо видна деревянная православная церковь Илии Пророка. Службы в ней бывают весьма редко, поскольку священник, родом с Украины, с началом специальной военной операции решил вернуться в

родные края, и судьба его теперь неизвестна. По большим праздникам литургию служит батюшка из Сортавалы, до которой от Лахденпохьи рукой подать.

На противоположной стороне дороги в глаза мне бросились развалины необычного здания из красного кирпича: Якимская лютеранская кирха 1850 года (известный финский архитектор Карл Энгель). Храм был настолько огромным, что в своё время мог вместить три тысячи человек. Рядом с ним – два старинных гранитных памятника местным финским солдатам, погибшим в 1918 году. Кирха же, оказавшись на территории Советского Союза, сначала служила лагерем для военнопленных, а после войны – общежитием, затем складом горторга, пока в 1977 году не случился пожар.

Я лишь тяжело вздохнула, потому что всегда больно видеть, что исторический архитектурный памятник, лишившись крыши, рискует быть разрушенным дождями, снегом, морозами и ветрами. Сразу вспомнились восстановленные государством за последние годы храмы и дворцы во многих городах и сёлах Беларуси. Чего только стоят дворцовые комплексы в Несвиже, Мире, Коссово, Ружанах, Залесье, Кричеве, Щучине! И это далеко не полный список. Теперь они стали и местными туристическими достопримечательностями, и гордостью, и историческим, культурным достоянием страны.

Но оказалось, что краснокирпичные стены лютеранской кирхи с большими арочными окнами проёмами и маленькими круглыми окнами-розетками продолжают служить людям. Это теперь «Город Ангелов», в котором развернулась выставка деревянных фигур Ангелов. В тёплое время года внутри помещения, где вместо пола толстый слой гравия, для туристов организуется продажа кофе и сувениров. Не достаёт только крыши над головой...

Встречи

Вполной мере знакомство с городом и его красотами ожидало меня позднее, после читательских встреч. Первая из них должна была состояться в средней школе на методическом объединении районных педагогов-филологов. В большом светлом классе, где крупными буквами во всю стену написано загадочное: «Точка роста». Под предводительством работника райотдела народного образования Лари-

сы Евгеньевны Спирковой приветливые учительницы с добрыми сияющими глазами не просто слушали, а жадно впитывали каждое писательское слово.

Я с радостью подписала для школ района дарственные книги: словари эпитетов по моим произведениям (составитель А.П. Бесперстых), сборники стихов, книгу прозы «За краем света» (Минск, 2010), в которую, кроме повести, вошёл дневник психолога «В поиске сокровища» о зависимостях и их психокоррекции методом духовно ориентированной психотерапии. Ведь по профессии я – медицинский психолог, уже более тридцати лет успешно занимаюсь психологической помощью при различных состояниях. Автор метода – доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, доктор богословия, профессор Г.И. Григорьев (кстати, тоже писатель). И вот тут следует вспомнить, что мир наш, действительно, до удивления тесен.

Дело в том, что дедушка Григория Игоревича до войны работал директором школы, той самой, в которой происходила нынешняя встреча! Изумлённые филологи тут же «погуглили» и подтвердили информацию: Василий Ильич Захаров преподавал русский язык и литературу и руководил учебным заведением. Я же поведала им о его дальнейшей судьбе. После Лахденпохьи Захарова перевели в Выксу Горьковской области, потом на Урал. Когда истёк срок брони, он окончил командирские курсы и в звании лейтенанта служил командиром взвода ПТР в войсках 3-го Украинского фронта. Освободил Австрию, имел два тяжёлых ранения, награждён орденом Красной Звезды. После Победы экстерном окончил Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена и учительствовал да директорствовал в школах города Городка Витебской области, где провела свою юность и я и где мы с Гришей Григорьевым учились в одном классе школы номер один и даже соседствовали партами. Воистину, пути Господни неисповедимы!

Пока одаривала школы книгами, в одном из классов меня уже ждали старшеклассники. Когда же подошло время вопросов, прозвучал и такой: «Вы с детства мечтали стать писателем?»

А мечтала ли? Помню, что мне очень нравился театр. Это и понятно, ведь мама работала в культуре. Любила читать. Книжка с фонариком под одеялом – это и про меня. Увлекалась стихами поэтов, декламировала со сцены. Пробовала са-

ма рифмовать чувства и мысли. Сочинения же предпочитала писать на свободную тему. Многие из них завоёвывали призовые места на областных и республиканских конкурсах. Однажды в дневнике записала, что если стану писателем, то эти тетрадки могут мне пригодиться...

Но, как говорится, не только духом святым... Не только книгами и разговорами сыт человек... В библиотеке, куда меня доставила красавица Таисия Анатольевна в сопровождении не менее прелестной Светланы Геннадьевны Довганюк, методиста учреждения, в ожидании томился изумительный обед, приготовленный золотыми руками библиотекаря отдела комплектования Ирины Александровны Петровой. Такой вкусный, что все тут же стали разбирать рецепты.

За вкушением аппетитных блюд гостеприимные хозяйки поведали мне, что Тая родом из Луганской области. Восемь лет назад, после разрушительных майдановских событий на Украине в 2014 году, приехала с семьёй (у неё с мужем трое деток) к родственникам, чтобы переждать бандеровские обстрелы Донбасса, да так и ждёт до сих пор. Посетовала, что разделились многие знакомые и родственники не только взглядами, но (главное!) духом, а вот родители ни за что не желают покидать свой дом, живут в опасной зоне – с молитвами и надеждой на Господа.

Светлана – из местных, здесь родилась, живёт и никуда не собирается уезжать. Недавно окончила Санкт-Петербургский институт культуры, библиотечно-информационный факультет.

Обаятельная Ирина родом из Якутии, а в Лахденпохью переехали семьёй из Москвы. В библиотеке с 2021 года. Занимается в художественной студии.

А вот директор Оксана Николаевна Сивицкая, как и Светлана Довганюк, – из местных: родилась в посёлке Куркиеки, в ней финская кровь от бабушки и карельская – от деда. В библиотечном деле уже двадцать три года: от библиографа до руководителя.

...Третья встреча со студентами филиала Сортавальского колледжа города Лахденпохья состоялась во второй половине дня в актовом зале библиотеки. Неожиданно внимательно слушали парни и девушки о книгах, литературе, русском слове, писательском труде, психотерапии, духовности. Преподавателю Алёне Владимировне Погодиной я передала для колледжа газету «Православный Санкт-Петербург» (главный редактор – писатель Алексей Бакулин) со стихами, посвящёнными Донбассу, и книгу «За краем света».

Завершающая встреча – с жителями города и района, сотрудниками библиотеки – показалась мне одной из самых тёплых. Это были ответы на многочисленные и самые разнообразные вопросы. Кроме литературы, мы коснулись темы веры и промысла Божьего, материнского и семейного счастья, любви к родной земле. Прозвучал и такой вопрос:

– Что вы считаете своей родиной?

Ответила предельно искренно:

– Родилась в семье советского офицера на берегу Балтийского моря, в посёлке Янтарном Калининградской области, школу окончила в Беларуси, затем училась и работала в Мурманской области и в Ленинграде – Петербурге, где защитила кандидатскую диссертацию по медицинской психологии... Так где моя Родина? Малая – любимый белорусский край, Витебщина, откуда мама, отец, бабушки (дед по отцу ушёл на войну и пропал без вести, дед по матери скончался в госпитале от ран), тётки, дядьки – родня... Большая Родина – Советский Союз, который остался только в истории и нашей живой памяти. Отечеством своим считаю Русь Святую. И что бы ни происходило в России, Беларуси, на Донбассе, Украине, это происходит у НАС. Я так чувствую.

И снова книги. Передала в дар библиотеке новую книгу «Кремень» (Гродно, 2022), поэтический сборник «В краю светозарной земли», в котором приложением – словарь эпитетов (составитель А.П. Бесперстых), коллективный историко-литературный сборник «Береста Онфема» (СПб, 2022), составленный моими петербургскими друзьями-писателями Татьяной Никольской и Ириной Катченковой. А книгу «За краем света» Тая, оказывается, купила в интернет-магазине. Так что возвращалась я в Петербург уже налегке.

Но мне ещё предстояло познакомиться с выставочным залом, который в своих стенах организовали библиотечные работники. Яна Владимировна Леонтьева эмоционально и со знанием дела рассказала о ярких живописных работах художника Александра Данилюка из Сортавалы, вернувшегося к любимому занятию после многолетнего творческого отпуска.

В это время в актовом зале зазвучала музыка, и когда я заглянула туда, то с удивлением обнаружила лихо отплясывающих библиотекарей во главе с директором Оксаной Николаевной. Ларчик просто открывался: шла репетиция к дню, посвящённому Карелии, который проводится один раз в месяц. Благодаря энтузиазму служи-

телей книжного храма жители Лахденпохьи знакомятся с культурой, элементами традиционного костюма и национальной кухней.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что центром культурной жизни и даже духовности в городе является именно библиотека! Здесь читают, поют, танцуют, устраивают выставки и экскурсии, проводят встречи с писателями, приглашая их из разных городов. Чуть позднее убедилась, что оказалась права. Мне показали высокую гору, широкая лестница вела на её вершину, туда, где стояло большое кирпичное здание... разрушающегося Дома культуры. Теперь он – собственность частного лица. Даже приблизиться к ДК было опасно: территория и помещения сплошь усыпаны бутылочным и оконным стеклом. Печальное свидетельство событий тридцатилетней давности – трижды проклятой перестройки, когда развалилась вполне себе цветущая страна с её клубами, Домами культуры, комбинатами бытового обслуживания, музеями, отремонтированными школами, многочисленными детскими садами, библиотеками, дешёвыми столовыми, предприятиями...

К концу дня я прониклась, не без основания, глубочайшим уважением к гостеприимным хозяевам и их, без преувеличения, благородному и бескорыстному (ну какая зарплата у библиотекаря?) служению литературе и людям.

Однако, справедливости ради, надо отметить, что в Лахденпохье не всё исчезло из прошлого СССР. На базе бывшего финского фанерного завода здесь более полувека назад было создано отечественное производство. Нынешний фанерный комбинат «Бумэкс» продолжает заниматься деревообработкой и значительно расширил ассортимент. Кроме клеёной берёзовой фанеры здесь наладили выпуск гнотоклеёных мебельных изделий. До 80% продукции отправлялось на экспорт в США, Канаду, Великобританию, Италию, Финляндию, Эстонию, Польшу, Швецию, Францию, Германию. Сегодня же, когда агрессивные правительства этих государств со всех сторон обложили Россию многочисленными санкциями, происходит активное перенаправление сбыта продукции в дружественные страны.

Есть в Лахденпохье ещё один завод, открытый в 2009 году, – это исчезающее, живучее ликёро-водочное производство, к которому я лично не питаю никаких симпатий: слишком много человеческого горя пришлось увидеть за тридцать лет работы с патологически зависимыми людьми...

Калевала

До поезда оставалось ещё несколько часов, и мои «опекуны» – Светлана Геннадьевна и Таисия Анатольевна – решили познакомить меня с культурными достопримечательностями города. Начали с «Калевалы» – городской скульптурной галереи под открытым небом. Роль экскурсовода, как коренная жительница, взяла на себя Светлана и поведала, что древние финны, карелы и другие местные племена и народности обожествляли природу: деревья, горы, озера, реки, воздух... В их эпосе, в так называемых рунах, говорится, что:

*Воздух – мать всему на свете,
Старший брат – водой зовётся,
Младший брат воды – железо,
Средний брат – огонь горячий.
Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с суши...*

Деревянная скульптура Андрея Андреева «Укко» была представлена в галерее. Голова старца с густой шевелюрой и длинной бородой напомнила мне голову львиной, но глаза у карельского бога были добрые, и на его руку доверчиво опустилась птица.

Встретились мы на выставочной аллее и с добрым лесным богом Тапио. Он тоже, как и злой Хийси, с лосиными рогами, с горящими фосфорическим светом глазами, в окружении прильнувших к нему волков и медведя. Впечатлила и скульптура его жены Миэлики, голову и волосы которой художник создал из соснового комля.

Мастерство резчиков (на сохранившихся табличках я прочла имена Алексея Татарина (скульптура «Айно»), Николая Вылка («Ильматар»), Евгения Чурина («Тапио») вызывает восхищение. Мне сразу вспомнился герой моей повести «Кремень» – доцент Витебского педагогического университета имени Петра Машерова Хитько Иван Павлович, художник-дизайнер, отменный резчик-скульптор. По всему бывшему Советскому Союзу разъехались его ученики, возможно, среди авторов работ в Лахденпохской галерее есть и те, кто учился у него. Или – у его учеников...

Край залива

Лахденпохья в переводе с финского звучит как «край залива». И хотя на дворе был февраль, Таисия повезла меня на берег Якимварского залива Ладожского озера. Я легко представила, какая красота здесь бывает в летнюю пору, если и заснеженное озеро невольно заставляет любоваться каменистыми берегами и бескрайними далями, где почти неразличимы земля и небо.

По воде на катере можно добраться не только до живописных шхер, но даже до Валаама, всего-то за час пути. («Мотай на ус!» – приказала себе и пометила в уме: «Валаам!»)

На берегу обратила внимание на деревянную часовню священномученика Валентина, епископа Интерамнского (город Интерамна в Центральной Италии, на реке Нера, в провинции Терни (область Умбрия, Италия). Церковь в честь этого святого есть в Харькове, на улице Валентиновской. Очень надеюсь, что она уцелеет в наше лихое время. Отчего же святой Валентин стал священномучеником? Оказывается, в годы правления императора Аврелиана (270–275 гг.), когда повсеместно было распространено язычество, он исцелял больных именем Иисуса Христа, чем и вызвал гнев римского градоначальника Авундия, фанатичного язычника. Он приказал силой принудить лекаря поклониться идолам, но, не добившись от святого отречения от Сына Божия, казнил его через отсечение головы. За распространение христианства пострадали и его друзья-единоверцы Прокул, Ефив и Аполлоний.

Вот так на бывшей языческой земле Карелии ныне победно восстали и православный храм, и две часовни (вторая, тоже деревянная, – святого Георгия Победоносца – в центральном сквере города).

Рядом с Валентиновской часовней – памятник генерал-лейтенанту ФСБ Валентину Михайловичу Чуйкину, который некоторое время служил начальником отдела ФСБ в Лахденпохье. В июне 2004 года он и ещё три пилота погибли в Подмосковье при крушении самолёта Ли-2.

Что же ещё исторически интересного можно отметить на Ладожском побережье в маленьком карельском городе? Серое трёхэтажное здание, не поражающее архитектурной красотой, – кирпичная коробка коробкой, но с привлекательной табличкой: «В этом здании в марте 1940 – июле

1941 года размещался штаб Краснознамённой Ладожской военной флотилии».

Дело в том, что после подписания в марте 1940 года мирного договора с Финляндией штаб разместился в Лахденпохье. Но уже в ноябре Ладожская военная флотилия была переформирована в учебный отряд кораблей, а с началом Великой Отечественной вновь восстановлена. В ней насчитывалось более шестидесяти кораблей и катеров. После июля 1941 года штаб флотилии был переведён в Сортанлахти (сейчас это посёлок Владимировка Ленинградской области), а через месяц – в Новую Ладогу.

Однако свято место пусто не бывает: ныне в здании штаба размещена городская больница.

Гора Филина

Пока добирались до горы Хуухканмяки, я узнала от Таисии, что Лахденпохский район – самый маленький в Карелии, его население составляет чуть больше десяти тысяч человек. История же этой земли началась в 800–1000 годах, когда здесь появились первые поселения древних карел. В двенадцатом веке территория вошла в состав Новгородской республики, в семнадцатом – в Шведское королевство, в восемнадцатом – стала частью Русского государства. Но в двадцатом столетии, с 1918 года, после провозглашения независимости Финляндией, земли отошли финнам, пока после Зимней войны 1939–1940 годов снова вернулись в Россию. Ныне здесь проживает русское население и лишь два процента жителей – карелы. Несмотря на их малочисленность, я ещё в поезде услышала карельскую речь: один из вагонных служащих обратился ко мне на своём родном языке.

Дорога то поднималась в гору, то летела вниз, то виляла, кружилась между сопок. Наша машина подъехала к музею «Гора Филина» около семнадцати часов, на это время была заказана экскурсия по огромному, площадью в семьсот пятьдесят квадратных метров, военному бункеру внутри скалы. Именно здесь проходила знаменитая линия Маннергейма* – непреодолимая цепь укреплений, с которой русские во время Зимней войны всё же справились, но, к сожалению

* Карл Густав Эмиль Маннергейм – российский и финский государственный, политический и военный деятель шведского происхождения, барон, президент Финляндии с 4 августа 1944 года по 11 марта 1946 года.

нию, потеряли территорию в сорок первом. Тогда же финны начали строить вторую оборонительную линию Маннергейма, состоящую из четырёх линий с несколькими полосами по семь-десять километров каждая. Во время экскурсии меня взволновали слова гида о том, что перед войной 1941–1945 годов в Финляндии, пользовавшейся невиданными льготами от Российского государства в период, когда она входила в его состав, проводилась беспрецедентная пропаганда русофобии. Закономерно напрашивался вывод: ненависть к русским, наблюдаемая нами на Украине, выращивалась там по давно отработанным, проверенным методикам. К сожалению, дух Хийси, видимо, напустил слишком много густого тумана в человеческие головы, если люди с таким жестоким остервенением стали хвататься за оружие...

С новой силой поразили факты, о которых напомнила экскурсовод. Маннергейм, получивший военное образование в России, в Николаевском кавалерийском училище, служивший в русской армии сначала в чине корнета и доросший до звания генерал-лейтенанта, женившийся на дочери московского обер-полицмейстера генерала Николая Устиновича Арапова, участвовавший в коронации Николая II и Александры Фёдоровны, награждённый русскими орденами: Святой Анны третьей степени, Святого Станислава 1-й степени с мечами и Святого Владимира с мечами (за азиатский поход), – принимавший участие в Русско-японской и Первой мировой войне в чине офицера русской армии, бывший другом и соратником Алексея Алексеевича Брусилова... Вот этот человек – Карл Густав Эмиль Маннергейм выступил во время Второй мировой войны против России, в которой прослужил тридцать лет и с которой его связывали тысячи невидимых нитей!

Именно маршал Маннергейм поставил перед командующим шестым корпусом генералом Талвелом боевую задачу по нанесению сильнейшего удара в направлении Ленинграда. В то же время финский посол в Берлине Тойво Кивимяки призвал Германию стереть с лица земли город Ленина вместе с его жителями, так же он предложил поступить с Москвой, а Россию раздробить на мелкие государства. В июле 1941 года Маннергейм отдал приказ о расовой сегрегации и этнических чистках на оккупированной советской территории. Население должно было быть разделено на финнов, карелов и русских, последних следовало отправлять в концлагеря.

Что такое эти лагеря, я знаю не только из исторической литературы, но и из воспоминаний родственника Якова Ивановича Юрченко, который чудом выжил в одной из таких резерваций. Тогда ему казалось, что жестокости финских надзирателей нет предела. Уцелеть восемнадцатилетнему Якову помогли его молодость и природное здоровье, а также простые финны, местные жители, тайно передававшие пленным хлеб и выкупавшие их у лагерного начальства для временных хозяйственных работ.

Конечно, размышляя о Маннергейме, нельзя не учесть того, что он категорически не принял революцию 1917 года и вынашивал надежду на восстановление русской монархии через победу Белой армии, допуская участие в антибольшевистской борьбе и финских вооружённых сил. Однако это не извиняет его жестокости и предательства. Как человек, не хранивший супружеской верности в браке и потому глубоко несчастный в семейной жизни, он не сохранил верности и тому народу, который взрастил его. Так и приходит на ум поговорка: «Сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит...»

Однако оставим размышления о судьбе маршала и вернёмся к заснеженной горе Хухканмяки, которая находится на территории бывшего финского, а потом и нашего военного городка.

Через просторную пещеру, оборудованную дверью и широкими воротами, так что вовнутрь может спокойно въехать грузовая машина, мы с Таисией вошли в огромный грот, высотой до четырёх метров. Он был вырублен вручную по заказу военного командования для штаба финской армии в течение одного года (1943–1944). Благоустроивалось бомбоубежище при помощи американских специалистов: они наладили вентиляцию, отопление, электроснабжение, телефонную связь, обеспечили пресной водой (огромный резервуар на пятьдесят тысяч литров). Из бункера к казармам был проложен подземный ход. Все работы велись в условиях полной секретности.

После окончания войны в казармах расквартировалась советская военная часть. Кирпичные здания сохранились до наших дней. По федеральной целевой программе развития туризма рукотворный грот вошёл в военно-исторический комплекс «гора Филина». Внутри скалы оборудованы два зала: выставка оружия начала прошлого века, времён Зимней войны и Великой Отечественной и стилизация первоначальной обс-

210 *Наталья Советная*

тановки бункера, а также археологическая и геологическая экспозиции с образцами минералов и горных пород, некоторые из которых добываются только в Карелии, например, знаменитый шунгит.

Впечатления от бункера – потрясающие! Огромная пещера на входе была покрыта каплями влаги, но в залах – достаточно тепло и сухо, потому что системы отопления, водоснабжения, канализации и прочее удалось восстановить современными способами, так как многочисленные запросы в Финляндию о проектной документации остались без ответа. Интересный рассказ экскурсовода дополнился новыми ощущениями и эмоциями, потому что к экспонатам можно было прикоснуться.

Я не замедлила этим воспользоваться: примерила военную каску, уселась на мотоцикл, потом – на сиденье наводчика зенитного орудия времён Великой Отечественной войны, подняла трубку штабного телефона и застыла, поражённая, услышав в ней финскую речь.

А вот подняться по заснеженным ступеням на смотровые площадки горы Филина не решилась, отложив это удовольствие на будущее, с надеждой, что оно снова приведёт меня на эту волшебную землю.

...По дороге на станцию Яккима думалось о том, что нестерпимо жаль покидать прекрасный карельский край, в котором затаились ещё неизвестные мне природные и исторические само-

родки-открытия, и что так не хочется расставаться с моими новыми добрыми знакомыми.

Тепло попрощавшись с прекрасной Таей, я поднялась в вагон «Ласточки», и поезд понёс меня навстречу новому дню и новым дорогам жизни. А с моей ладони, удобно устроившись на ней, смотрел огромными преданными глазами маленький сувенирный нерпёнок как память о Карелии.

Наталья Викторовна СОВЕТНАЯ –

поэт, прозаик, публицист,

литературный критик, кандидат психологических наук.

Автор 17 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе,

изданных в России, Беларуси, Сербии.

Многие стихи переведены на белорусский, украинский,

сербский, английский языки.

По поэтическим и публицистическим произведениям лексикографом А.П. Бесперстых созданы три словаря эпитетов и один – фразеологизмов.

Лауреат международных, всероссийских и республиканских конкурсов.

Имеет награды.

Член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства.

Член Совета общества дружбы «Беларусь – Россия».

В журнале «Север» публикуется впервые.

